

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© В. Г. Аняньев

БЕРЛИНСКИЙ СПИСОК НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ: ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗДАНИЯ

Как отмечал один из крупнейших отечественных специалистов по истории русского летописания Я. С. Лурье, важнейшим направлением развития летописного источниковедения является введение в научный оборот и публикация того «материала летописей», который все еще хранится в архивах.¹ И, если применительно к отечественным архивохранилищам эта задача выполнялась и выполняется учеными достаточно активно, материалы зарубежных, в первую очередь западноевропейских архивов и библиотек, во многом все еще продолжают оставаться своеобразной *terra incognita* для русской медиевистики. В XX веке традиция изучения этих памятников была практически полностью утрачена, несмотря на то что еще до революции при историко-филологическом отделении Академии наук была учреждена специальная должность ученого корреспондента в Риме, в обязанности которого входило не только систематическое обследование зарубежных архивов и выявление в них материалов, так или иначе связанных с историей России, но и научное издание найденных документов.²

В этом отношении заслуживает внимания начинание ученых Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке фонда «Русский мир», — выпуск серии «Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек», посвященной публикации ранее мало известных или вовсе не знакомых исследователям памятников древнерусской книжности, хранящихся в зарубежных архивохранилищах.

Первым выпуском серии стала публикация Берлинского списка Новгородской первой летописи, известного также как список Филиппса (по имени одного из бывших владельцев, английского коллекционера рукописей Томаса Филиппса).³ Фототипическое воспроизведение текста летописи сопровождается обстоятельным предисловием А. В. Майорова, носящим характер самостоятельного научного исследования. Предисловие состоит из трех частей, в которых последовательно рассматривается происхождение, история бытования и изучения списка;⁴ дается археографическое описание рукописи,⁵ а также предлагаются результаты предварительного текстологического исследования рассматриваемого текста.⁶ В приложе-

¹ Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIV. С. 195.

² Эту должность занял Е. Ф. Шмурло. См.: Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков. Очерки истории. М., 2008. С. 252—254.

³ См.: Новгородская первая летопись. Берлинский список / Предисл. А. В. Майорова. СПб., 2010. 444 с. (далее ссылки даются на это издание); второе издание — Новгородская первая летопись. Берлинский список / Вступ. статья Н. М. Кропачева, иссл. А. В. Майорова. СПб., 2011. 464 с. (Письменные памятники истории и культуры России в собраниях зарубежных архивов и библиотек; вып. I.)

⁴ Майоров А. В. Берлинский список Новгородской первой летописи: происхождение, владельцы, история изучения // Новгородская первая летопись. Берлинский список. С. 9—65.

⁵ Майоров А. В. Описание рукописи // Там же. С. 66—75.

⁶ Майоров А. В. Берлинский список — копия «древнего летописца Сенатской Архивы»: сравнительно-текстологическое изучение // Там же. С. 76—102.

нии публикуются обнаруженные автором архивные материалы, связанные с историографической традицией изучения списка.

Основные положения исследования уже были представлены Майоровым в серии печатных работ, начиная с первой публикации в журнале «Древняя Русь: вопросы медиевистики»⁷ и затем в статьях, посвященных происхождению списка⁸ и его несостоявшемуся изданию в 1730-х годах,⁹ истории изучения рукописи отечественными и зарубежными исследователями,¹⁰ работе с ней В. Н. Татищева и обстоятельствам открытия текста «Русской Правды»,¹¹ перемещению манускрипта по разным странам Западной Европы,¹² судьбе рукописи в XX веке.¹³

Представляется, что фототипическая публикация полного текста летописи окажется полезной для дальнейшего изучения памятника и продолжения дискуссий о его текстологической ценности. Однако следует отметить, что данный список чрезвычайно важен для изучения истории не только отечественного летописания. Он занимает своеобразное место в судьбах исторической науки. На этом последнем аспекте мы бы и хотели здесь остановиться.

Прежде всего следует отметить, что уже самим фактом своего появления в XVIII веке нынешний Берлинский список оказался связан не столько с идущей от древности — «естественной» линией развития летописания, сколько с амбициозным археографическим проектом, предполагавшим первое в России планомерное издание летописного материала. Этот ранний этап из истории публикации русских летописей плохо освещен в отечественной науке (обычно полагающей началом издания собрания летописных памятников деятельность Археографической комиссии).¹⁴ К нему именно относится новонайденный список.

Майоров справедливо замечает, что наиболее характерной чертой Берлинского списка, отличающего его от Академического или Толстовского списков, является редакторская правка, проведенная на всем протяжении текста. Причем правка эта выражает определенную тенденцию — исключение религиозно-нравственных рассуждений, нарушающих последовательность в изложении событий «гражданской» истории. Подобная правка признавалась желательной именно в первом проекте издания летописей, разработанном в 1734 году Академией наук.¹⁵ План этот, однако, так и не был реализован.

В научной литературе инициатором проекта иногда называют Г. З. Байера.¹⁶ Майоров приходит к другому выводу: автором данного проекта мог быть

⁷ Майоров А. В. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской первой летописи (предварительные итоги изучения) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 91—108.

⁸ Майоров А. В. Из истории Берлинского списка 1738 г. Новгородской Первой летописи // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 53—59.

⁹ Майоров А. В. Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы» // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 168—172.

¹⁰ Майоров А. В. Из истории изучения Новгородской Первой летописи // Новгородика — 2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научной конференции 21—23 сентября 2008 г. / Сост. Д. Б. Терешкина и др. Великий Новгород, 2009. С. 77—86.

¹¹ Майоров А. В. К изучению Берлинского списка Новгородской первой летописи // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 39—41.

¹² Майоров А. В. Тайна списка Филиппса. Забытая новгородская летопись // Родина: Российский исторический журнал. 2008. № 11. С. 50—54.

¹³ Майоров А. В. О поисках и забвении. Список Новгородской Первой летописи Государственной библиотеки в Берлине // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М., 2010. Т. I. С. 479—488.

¹⁴ См., например: Хартанович М. Ф. К истории издания первых томов «Полного собрания русских летописей» (30—60-е гг. XIX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1993. Т. XXIV. С. 155—164.

¹⁵ Майоров А. В. Берлинский список — копия «древнего летописца Сенатской Архивы». С. 89.

¹⁶ Пономарева И. У истоков русской исторической науки // Исторический журнал. 1940. № 4—5. С. 87.

Г. Ф. Миллер, уже в 1731 году ставший академическим профессором и сразу же осуществивший ряд научных публикаций источников по русской истории (в том числе и летописей).¹⁷ Сама специфика редакторской работы над готовившейся новгородской летописью заставляет нас признать обоснованность этой гипотезы.

Как справедливо отмечает ряд исследователей, XVIII век в отечественной историографии был временем особенно активных споров относительно «понимания научной истины и ее значения». В итоге наметились два подхода к историописанию — научно ориентированный и социально ориентированный. Миллер как раз и был наиболее убежденным сторонником первого направления, что подтверждается его знаменитым спором с М. В. Ломоносовым. Как замечает С. И. Маловичко: «Ученый требовал точности в восстановлении исторических событий и рационально их объяснял, стремился избегать всего того, что ни по каким историческим известиям доказано быть не может».¹⁸ История интересовала его сама по себе, вне зависимости от практических задач или наличия в ней назидательных примеров. Этой парадигме М. В. Ломоносов и его сторонники противопоставляли другую, в которой определяющим оказывался вопрос: «не предосудительно ли славе русского народа будет» включение в изложение тех или иных фактов. Для них конечной целью исследования была «организация определенной национальной памяти».¹⁹

В этом смысле вполне естественно, что академики, готовя издание летописной серии, отправили в Сенат такой план, при котором «изъятию из летописей подлежали все места, не относящиеся к светской истории, а содержащие духовные и нравственные рассуждения».²⁰ Они представляли научно ориентированное направление в историописании. Не менее логичным оказалось и то, что представители Синода, к которым на утверждение поступили проект и тексты летописей,²¹ требовали также изъять из публикации места, относящиеся к «гражданской» истории, в которых «содержались „лживые” и „опасные” для народа сведения»,²² т. е. те самые сведения, которые могли оказаться «предосудительными» для «славы русского народа». В рамках одного проекта, таким образом, сошлись два противоположных направления историописания, это не только до некоторой степени объясняет неудачу всего мероприятия, но и оказывается показательным case study при изучении общих закономерностей развития отечественной историографии и ее системных связей в XVIII веке.

Следует отметить, что и сама культурная ситуация эпохи вполне благоприятствовала появлению новых летописных списков. В конечном счете традиции летописания сохранялись в России и в XVIII веке, как убедительно показала это на примере устюжского летописания К. Н. Сербина.²³ Создание еще одного списка «древнего летописца», причем отредактированного в секулярном духе, — само по себе заслуживает внимания как феномен культуры, отмеченной духом «несовременности».²⁴

¹⁷ Майоров А. В. Берлинский список — копия «древнего летописца Сенатской Архивы». С. 90—91.

¹⁸ Маловичко С. И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII Международной научной конференции. Москва, 28—30 января 2010 г. / Отв. ред. М. Ф. Румянцев. М., 2010. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 25—26.

²⁰ Майоров А. В. Берлинский список — копия «древнего летописца Сенатской Архивы». С. 91.

²¹ Подробнее об этом см.: Проект издания российских летописей в 1734 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Январь. Ч. XCIII. Отд. VII. С. 37.

²² Майоров А. В. Берлинский список — копия «древнего летописца Сенатской Архивы». С. 92.

²³ Сербин К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 87—119.

²⁴ Блестящий образец подобного исследования см.: Уо Д. К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.

Вместе с тем судьба Берлинского списка является чрезвычайно показательным примером того, как внутренние закономерности развития науки и внешние по отношению к ней факторы предопределили фактическое «исчезновение» источника из актуального пространства исследования.

Безусловно, как справедливо отмечает Майоров, сам факт физической недоступности Берлинского списка для отечественных историков и публикаторов привел к игнорированию его в соответствующих исследованиях. Сначала А. А. Шахматов, «не имея возможности непосредственно обратиться к находившемуся в Германии списку Филиппса (...) вынужден был ограничиваться изучением оказавшихся в России его позднейших и не вполне исправных копий».²⁵ Ситуация повторилась во второй половине 1930-х годов, когда в ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР началась работа по подготовке нового издания летописей.²⁶ В разработанном М. Д. Приселковым проекте систематического плана нового издания Полного собрания русских летописей для Берлинского списка Новгородской первой летописи также не нашлось места.²⁷

Майоров в предисловии к новой публикации полагает, что причины тому были сугубо научными, он пишет: «Решение Приселкова, несомненно, было обусловлено представлениями Шахматова о соотношении списков Новгородской Первой летописи младшего извода».²⁸ Не отрицая полностью такой возможности, отметим, что и определенные вненаучные факторы также могли сыграть в этом свою роль. Вспомним, что Приселков, арестованный по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», был освобожден от высылки лишь в декабре 1935 года. Едва ли он мог решиться включить в свой план работы (фактически первое серьезное научное начинание в «новой» жизни) рукопись, хранившуюся в зарубежном архиве, причем в архиве немецком.

Подобные контакты тогда не только не поощрялись, но и могли сурово караться. Всего год спустя, в 1937 году, коллега Приселкова по историческому факультету Ленинградского университета, выдающийся византист В. Н. Бенешевич был уволен из университета, вскоре арестован по обвинению в шпионской деятельности и расстрелян, а поводом к этому послужила публикация им в Мюнхене одного из средневековых церковных памятников, «Синагоги Иоанна Схоластика в 50 титулах».²⁹ Как заявил в своем выступлении на заседании кафедры истории средних веков Ленинградского государственного университета, обсуждавшей «дело Бенешевича», его коллега О. Л. Вайнштейн: «Всем нам хорошо известно, что правительство, возглавляющее в настоящее время Германию, — это банда убийц и поджигателей войны (...) В Германии подавлена свобода мысли и науки (...) Всякому, даже за пределами нашей страны, ясно, что на роль убежища для науки фашистская Германия никак не может претендовать (...) Естественно, встает вопрос, как при таких условиях возможно сотрудничество с учреждениями фашистской Германии со стороны советского профессора. Этот факт возмутительный, достойный всякого осуждения. Это вреднейший акт (...) этот акт поддерживает иллюзию об аполитичности науки». Вывод его был однозначен: «Обсуждение подобных поступков уже достаточно ясно показало, что такого рода акты несовместимы с советским патриотизмом наших ученых. Тем более недопустимым и возмутительным являет-

²⁵ Майоров А. В. Берлинский список Новгородской первой летописи: происхождение, владельцы, история изучения. С. 20.

²⁶ См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // Летописи и хроники. Новые исследования 2008. СПб., 2008. С. 290—308.

²⁷ Майоров А. В. Берлинский список Новгородской первой летописи: происхождение, владельцы, история изучения. С. 20—21.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ См.: *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под. ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 339—388.

ся факт печатания своей работы советским ученым в фашистской Германии. Это акт политически вреднейший, возмутительнейший и заслуживающий категорического осуждения».³⁰

При этом следует иметь в виду, что речь шла о публикации работы, переданной Бенешевичем немецким коллегам еще в 1933 году! Сам ученый признавал, что «уже в 1936 г. советская общественность ясно высказывалась против опубликования советским ученым своих работ за границей, что германский фашизм проявил себя в такой форме, которая вызывает глубокое отвращение и возмущение, а в то же время выявляет и всю его сущность как врага прогресса и человечества».³¹ Понятно, что в таких условиях Приселков не мог рассчитывать на привлечение к подготовке публикации новгородской летописи ее берлинского списка (которое должно было неизбежно осуществляться в сотрудничестве с немецкими учеными). Он, вероятно, не без оснований мог считать опасным само упоминание о нем в плане издания летописей.

Не многим лучше ситуация складывалась и для тех ученых, которые обращались к списку в послевоенное время: оставивший так и не опубликованную заметку о нем А. И. Андреев³² в 1948—1949 годах был подвергнут разгромной критике за буржуазный объективизм и преклонение перед Западом. Основным объектом нападок тогда оказалась его статья «Петр Великий в Англии в 1682 г.», признанная «низкопоклонством перед Западом и буржуазной культурой».³³ Андреев был вынужден оставить Москву, академический Институт истории и преподавательскую деятельность в Историко-архивном институте и перейти (не без поддержки президента Академии наук С. И. Вавилова) в ленинградское отделение Института истории естествознания, науки и техники. Публичные упоминания о «буржуазном» берлинском списке и для него были небезопасны.

Выпустивший в 1948 году фундаментальную «Советскую археографию» С. Н. Валк, в фонде которого сохранились фотокопии нескольких листов списка,³⁴ также едва ли стал бы ратовать за его активное изучение: в русле все той же «борьбы с космополитизмом» уничтожающей критике была подвергнута его большая статья «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» (1948). Ученого обвинили в том, что он «не проводит грани между советской наукой и буржуазной историографией» и допустил ряд «серьезных, объективистского порядка ошибок».³⁵ К счастью, серьезные оргвыводов за этим не последовало, Валк сохранил место в университете и продолжил работу в Институте истории, но, конечно же, ситуация не могла пройти для него бесследно. Как писала как раз в это время в одном из писем К. Н. Сербина, долгие годы бывшая коллегой ученого в Институте истории: «С. Н. очень угнетен и тяжело переживает 20.04.³⁶ 23.04. с ним случил-

³⁰ *Медведев И. П.* «Последний из могокан»: Трагический финал // *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2006. С. 303.

³¹ Там же. С. 305.

³² *Андреев А. И.* О списке Новгородской летописи, в которой Татищев нашел текст «Русской Правды» // *Новгородская первая летопись. Берлинский список.* С. 51—52.

³³ См.: *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 41—43; *Ананьев В. Г.* Петровское время в учебной и научной деятельности А. И. Андреева второй половины 1940-х гг. // *Труды Государственного Эрмитажа.* СПб., 2010. [Т.] 52: Петровское время в лицах — 2010: К 300-летию Дворца Меншикова (1710—2010): Материалы научной конференции. С. 13—18.

³⁴ *Майоров А. В.* Берлинский список Новгородской первой летописи: происхождение, владельцы, история изучения. С. 63, прим. 124.

³⁵ См.: *Валк С. Н.* Избр. труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб., 2000. С. 100—101.

³⁶ Имеется в виду состоявшееся 20 апреля заседание Ученого совета исторического факультета Ленинградского государственного университета, одним из вопросов обсуждения на котором была «критика» статьи Валка. За несколько дней до этого в университетской газете о статье было написано, что она «преисполнена духом низкопоклонства перед старой буржуазной наукой в лице ее реакционных представителей». См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба ис-

ся во время лекции припадок и его увели в университетскую амбулаторию, а затем увезли на машине домой».³⁷ Понятно, что и он в подобных условиях не мог предпринять серьезных попыток опубликовать берлинскую рукопись, как бы ни оценивал он ее научное значение.

Таким образом, введение в научный оборот берлинского списка Новгородской первой летописи является событием важным не только с точки зрения дальнейшего развития летописного источниковедения. Оно развивает и продолжает работу, начатую выдающимися отечественными учеными первой половины — середины XX века, не сумевшими, в силу причин вненаучного характера, довести этот труд до конца. К нему вполне можно отнести слова, сказанные Е. К. Пиотровской в связи с публикацией текста Радзивилловской летописи: важность этого предприятия заключается не только в том, что «это ценный памятник письменности», она важна «и для того, чтобы мы знали: летописный свод отечественной науки XX в. написан ценой немислимых страданий ученых старшего поколения».³⁸

торика: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 246—247 (Историко-филологический архив; вып. 5).

³⁷ Андреев А. И. Письмо К. Н. Сербиной (от 27.04.1948) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 934 (А. И. Андреева). Оп. 5. № 311. Л. 282 об.

³⁸ Пиотровская Е. К. Из истории подготовки издания Радзивилловской летописи в серии Полного собрания русских летописей // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Т. XXVII. С. 272.

© С. А. Фомичев

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСЛОВИЦЫ О СИНИЦЕ

«Пословица, — отметил Н. В. Гоголь, — не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной».¹ Образы пословицы, как правило, действительно наглядны, взяты из народного быта. Ср.: «Какая пташка раньше проснулась, та скорее и корму найдет», «Сколько кукушке ни куковать, а на зиму — улетать», «И на вольную птицу есть укорота — силки да тенёта», «Лучше синица в руки, чем журавль в небе».

На этом фоне труднообъяснимой представляется пословица: «Хвалилась синица море зажечь, моря не зажгла, а славы наделала». Переносный, иносказательный смысл этого высказывания, конечно, ясен. Но всё же — от какого реального наблюдения здесь отталкивались люди? С чего это синица вознегодовала на море? Ведь к морю, собственно, русская синица никакого отношения не имела, она — не из перелетных птиц.

Оказывается, чтобы найти ответы на эти простые вопросы, мы должны проследить достаточно сложный генезис паремии, обратившись к разнообразному культурному контексту, под влиянием которого шлифовалось данное насмешливое речение.

В старом сборнике русских народных паремий зарегистрирована пословица: «Ходила баба море зажигать, море не зажгла, а слоту явила».² Апофегма эта, —

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.,] 1952. Т. VIII. С. 392.

² Симоны П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XVIII столетий. СПб., 1899. Вып. I—II. С. 150.